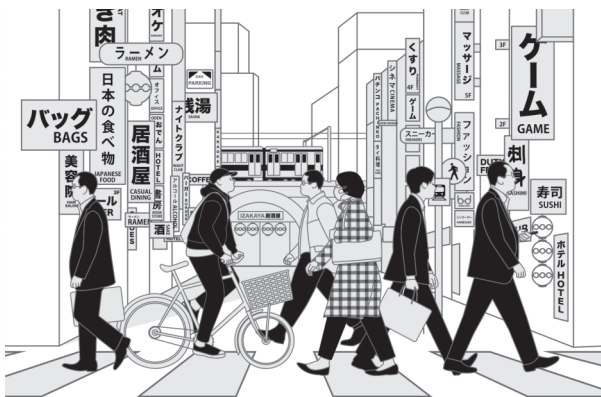

СОДЕРЖАНИЕ

Токио. Станция Уэно.....	5
Послесловие.....	213
Библиографический список.....	217

Я снова слышу тот звук. Тот звук. Опять и опять. Может, все это только в моей голове? Не знаю. Внутри или снаружи? Не знаю. Когда и кто это был? Важно ли это? Что вообще важно? Кто?..

Раньше я думал, что человеческая жизнь похожа на книгу — вот перелистнулась первая страница, за ней еще и еще, и так до самой последней. Но на деле жизнь — совсем не то же самое, что история, рассказанная в книге. Знаки выстроены в ряд, страницы пронумерованы, а сюжета как не было, так и нет. И даже если вы пришли к финалу, на этом все не заканчивается.

Что-то остается.

Словно садовые деревья на участке, где снесли обветшалый дом...

Словно вода в вазе, из которой вынули увядшие цветы...

Что-то осталось.

Но что именно?

Ощущение усталости.

Бесконечная усталость.

Ей не было конца и края.

И в то время, когда жизнь будто наступала мне на пятки, и теперь, когда я все-таки вырвался из ее круговорота...

Кажется, я никогда и не жил по-настоящему — просто существовал.

Но вот все и закончилось.

Вокруг все как будто по-прежнему.

Неизменный пейзаж — или это только так кажется?

Но во всем этом однообразии чувствуется что-то неправильное.

В монотонном потоке времени встречаются поврежденные фрагменты.

Глядите.

Есть множество людей.

И каждый из них не похож на другого.

У каждого свои мысли, свое лицо, свое тело и своя душа.

Это дело ясное.

Но если присмотреться как следует, понимаешь, что все они есть суть одно, или, по крайней мере, ужасно похожи.

А их лица — всего лишь небольшие лужицы воды.

Вот я в толпе пассажиров, ждущих поезда на внутреннем кольце¹ линии Яманотэ. Именно тогда я впервые спустился на платформу станции Уэно.

Всматриваясь в свое отражение в многочисленных зеркалах, фотоплакатах и стеклянных поверхностях, я приуныл. Не то что бы я настолько непривлекателен — скорее, внешность моя была посредственной, так что никто даже не остановил на мне взгляд.

Впрочем, свойственная мне молчаливость и отсутствие каких бы то ни было талантов были гораздо хуже внешних недостатков. Но больше всего удручала меня невезучесть.

Я был неудачником.

Опять тот звук. Он заполняет собой все — словно пульсирующая кровь, словно сияющий поток, и я не слышу больше ничего вокруг. Звук повторяется снова и снова в моей голове, кажется, будто внутри меня гудит рой из нескольких сотен пчел, что готовы вылететь наружу. Шумно, жарко, больно, и я не могу ни на чем сосредоточиться. Мерещится, что на веки падают капли дождя, я вздрагиваю, крепче сжимая кулаки. Тело как будто съеживается...

¹ Линия электропоездов Яманотэ — кольцевая. Поезда, идущие по ней по часовой стрелке, обычно называют «внешним кольцом» (сото-мавари), а против часовой — «внутренним кольцом» (ути-мавари). Уэно — одна из станций линии.

Все распадается на куски, но звук не прекращается.

Я не могу ни поймать его и заточить в укромное место, ни увести подальше...

Не могу заткнуть уши или убежать.

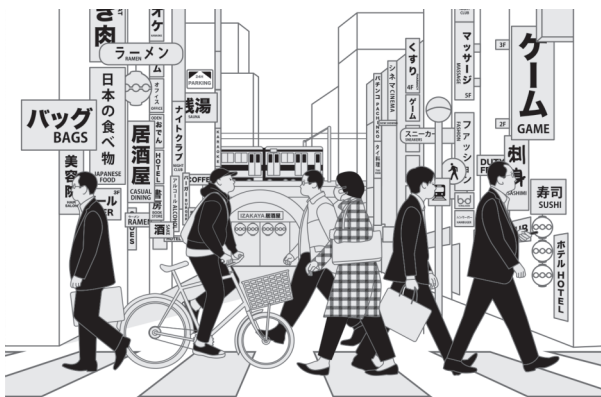
С тех пор, как все случилось, я постоянно слышу его.

Слышу?

Поезд в направлении Икэбукуро — Синдзюку¹ прибывает на платформу номер два. Пожалуйста, отойдите от края за ограничительную желтую линию.

Гудок электрички. Стук колес. Страшный грохот. Протяжный скрежет.

¹ Икэбукуро, Синдзюку — крупные станции линии Яманотэ.

Выходя со станции к парку Уэно, я всегда встречал бездомных на небольшом пятачке, окруженном деревьями гинкго, прямо через дорогу от метро.

Сидя на лавочке в этом месте, я частенько представлял себя сиротой, рано лишившимся семьи. На самом деле это, конечно, не про меня — родители мои прожили довольно долго — умерли, когда им было уже за девяносто, при этом так ни разу и не выехав за пределы деревеньки Ясава, что в уезде Сома префектуры Фукусима¹. Начиная с восьмого года Сёва², когда родился я, с разницей примерно в два года каждый на свет появились моя сестра Харуко, вторая сестра Фукико, второй брат Хидэо, третья сестра Наоко, младшая сестра Митико, третий брат Кацуо и младший брат Ма-

¹ Префектура на северо-востоке о. Хонсю.

² По григорианскому летоисчислению — 1933 год.

сао, всего семеро детей. Разница с Масао у нас в сорок лет, так что воспринимал я его, скорее, как сына, а не брата.

Но время шло.

Я сидел в одиночестве и чувствовал, что старею...

Слегка задремав от усталости, я стал похрапывать. Время от времени я открывал глаза и видел причудливый узор из колышущихся листьев на ветвях гинкго, сеть раскинувшихся надо мной. Я чувствовал, что заблудился, что бесцельно брожу невесть где и одновременно нахожусь здесь, в этом парке, уже несколько лет...

— Все, хватит.

Мужчина выглядел сонным, но слова прозвучали четко. Он выдыхал облачка белого дыма то носом, то ртом. Сигарета, зажатая между средним и указательным пальцами правой руки, почти догорела — вот-вот обожжет его. На голове у мужчины твидовая шляпа — сложно сказать, какого цвета она была изначально, настолько покрылась пятнами от пота и грязью за долгие годы. Одет он в клетчатый пиджак, на ногах — коричневые кожаные ботинки — ну точь-в-точь охотник откуда-то из-за границы.

Машины едут вниз по склону по улице Ямасита-доори в сторону квартала Угусудани. На светофоре загорается зеленый, включается звуковой сигнал для слабовидящих, и люди, вы-

шедшие со станции Уэно к парку, начинают переходить дорогу.

Наклонившись вперед, мужчина наблюдает за ними, этими счастливыми, которые живут в симпатичных домах, будто ищет, на ком бы остановить взгляд... Затем словно из последних сил дрожащей рукой подносит сигарету ко рту — лицо его густо заросло бородой, в которой теперь уже заметно множество седых волосков, — и затягивается, а после медленно выдыхает, выныривая из омута мыслей. Пальцы разжимаются, и сигарета падает. Он тушит окурок носком выцветшего ботинка.

Рядом спит другой мужчина, между ног у него полупрозрачный мусорный пакет на девяносто литров, заполненный алюминиевыми банками. В руках он сжимает прозрачный виниловый зонтик, опираясь на него, как на трость...

Седая женщина с волосами, стянутыми резинкой в пучок, уткнулась лицом в руки, облокотившись на карминовый рюкзак, что стоял рядом.

Контингент изменился, да и их стало меньше.

То ли дело, когда лопнул «мыльный пузырь»¹ — тогда все аллеи и свободные участки в парке запо-

¹ Японский финансовый пузырь — экономический пузырь в Японии в период с 1986 по 1991 г. Экономический рост того времени базировался прежде всего на спекулятивных сделках с ценными бумагами и недвижимостью. С 1990 г. «пузырь» начал лопаться — резко упал индекс «Никкэй» Токийской фондовой биржи, а вслед за ним и цены на землю. Экономика Японии вошла в полосу застоя. Множество компаний разорились, несколько крупных бан-